

ЭКСПЕДИЦИЯ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ — ИСТОКИ РОДНОЙ РЕЧИ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ (на материале медицинской лексики говоров Западной Брянщины)

И.В. Пенюкова

Кафедра истории и теории русского языка
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

Рассматривается тематическая группа медицинской лексики в юго-западных говорах Брянской области, освещены семантические процессы, в том числе синонимические и другие связи слов в системе местных говоров, а также происхождение отдельных слов. Исследование раскрывает интересные явления, связанные с взаимодействием местных говоров Брянщины с украинским языком и его говорами.

Ключевые слова: тематическая группа, русские говоры, медицинская лексика, эволюция говора, украинский язык.

В основу работы положены наблюдения автора над медицинской лексикой говоров юго-западной Брянщины.

На фоне весьма близких особенностей функционирования общеславянских корней выявляются их определенные семантические «разночтения». Так, брянское диалектное *гўля* — «отек, грыжа» (1) имеет омонимичный ему украинский аналог: *гуля* — «голубь» [3. I. С. 339] (2). Современное русское литературное *водянка* — «скопление жидкости в тканях тела при болезни» [7. С. 90] (1) омонимично украинскому *водянка* — «кадка для воды» [3. I. С. 248] (2). Брянское диалектное *говорўха* — «лекарша» (1) омонимично украинскому *говорўха* — (1) «многогребчатая женщина», (2) «говорун» [3. I. С. 296] (2) и пр.

В случае с *гўля* — (1) и *гўля* (2) нам представляется логичным следующее объяснение происхождения данных слов: *гўля* (1) имеет отношение к отмечаемому М. Фасмером *гўля* — «шишка, нарост», польскому *gula* — то же, инд. *gola* — «шар», др.-исл. *kúla* — «шар, мяч, шишка» [10. I. С. 473]. Укр. *гуля* (2) «голубь», видимо, вариант звукоподражания, по типу швейц.-нем. *gul* — «петушиный крик» (сравните подзывание: *гуль-гуль!*) [10. I. С. 473]. Название *водянка*, несомненно, является производным от общеславянского *водá*.

В обоих языках слово *говоруха* (1) и *говоруха* (2) (образование из одинаковой основы таких же слов) представляет собой факт полисемии. Поскольку лечение с помощью заговоров в народной медицине связано с постоянным проговариванием их целительницей вслух, нам представляется, что связь между двумя значениями — брянское диалектное *говоруха* — «лекарша» и украинское *говоруха* — «многоречивая женщина» становится более понятной.

Не менее интересны случаи семантической взаимообусловленности значений. Так, нами было отмечено брянское диалектное грубое: *рѳжа* (1) — «лицо», в русском литературном языке относящееся к просторечным [7. С. 682]. В брянском диалектном лексиконе встречается также и *рѳжа* (2) — «кожное заболевание».

Первое слово со значением «лицо», вероятно, произошло от др.-русс. *рожаи* — «вид, лицо» из **rodia* и связано, по нашему мнению, с общеславянскими *род*, *родить*. См. также *родá* ж. — «род, вид, лицо, видение». М. Фасмер приводит соответствия в других языках: лит. *gumis* — «лицо, рождение» и *gemi, gimstu* — «рождаться»; фин. *kasvot* — «лицо» и *kasvaa* — «расти» [10. III. С. 492]. Еще ранее В.И. Даль также связывал *рѳжа* — «лицо» с *рождать* — «производить себе подобных» [4. IV. С. 9, 101].

Происхождение названия болезни *рѳжа* (2), скорее всего, обусловлено заимствованием из славянских языков. Его значение, на наш взгляд, восходит к обозначению окраски больного места — расположенного на коже (чаще на коже конечностей, реже — туловища) ярко-розового резко отграниченного воспалительного очага («пятна») [8. I. С. 365]. Согласно Фасмеру, слово *рѳжа* может также иметь значение «роза». Считая *рѳжу* (название болезни) заимствованием из польск. *roza* — «роза», ученый возводит его к лат. *rosa* или ср.-в.-н. *rose* [10. III. С. 493]. Кроме того, слово *розовый* этимолог также производит от *роза* [10. III. С. 493]. Видимо, в случае *рѳжа* — «кожное заболевание» следует говорить о наличии вторичного воздействия слова *роза*, обусловленного в первую очередь необходимостью подчеркивания окраски воспалительного пятна. В этой связи весьма интересно написание данного слова по-украински: *рожéвий* — *розовый*, *розоватый* (об оттенке) [9. С. 694] и непосредственно украинское разговорное *рѳжа* — «роза» [9. С. 694]. Последнее, как мы думаем, проясняет ситуацию и дополнительно подтверждает нашу мысль относительно русского диалектного слова: несмотря на кажущееся наличие многозначности, *рѳжа* (1) и *рѳжа* (2) в диалекте являются примером подлинной омонимии: здесь явно наблюдается происхождение омонимов из двух ранее не совпадавших по звучанию слов.

Не менее интересно слово *проруха*, отмечаемое в говорах юго-западной Брянщины в общелитературном значении «ошибка, оплошность», приводимое С.И. Ожеговым с пометой «устар.» [7. С. 619]. Им же приводится поговорка: *И на старуху бывает проруха*. Смысл поговорки проясняется при сопоставлении русского слова с похожим украинским: *поруха* — «смещение матки или другого органа» [3. III. С. 355]. См. также *пѳрух* — «движение» [9. С. 600].

Слово *пранцы*, отмечаемое в брянских говорах, в настоящее время утратило конкретность своего значения. Затрудняясь точно указать, какое именно заболевание называет данное слово, носители диалекта, тем не менее, четко ассоциируют его с тяжелой, крайне неприятной болезнью, путаясь, однако, в описании симптомов этого странного заболевания: // *Это бабки кались ругались: «што-б тобі пранцы сѣли — што-б у-тобі скуля сѣли.* // Пожелание // *Да што-б табя' ужэ пранцы вдарили!* // равноценно пожеланию тяжело заболеть. Слово не имеет аналогов в современном русском литературном языке, в связи с чем интерес вызывает его присутствие в украинском языке в значении «сифилис» [3. III. С. 401]. С помощью последнего постараемся прояснить значение слова в говорах юго-запада Брянщины. М. Фасмер трактует *пранцы* как «французскую болезнь», возводя к голл. *frans* — «французский». Аналогичные формы находим и в других европейских (итал. *malfrancase* — «сифилис»), в том числе славянских языках: польск. *francozi* — «сифилис», вероятно, из польск. *francuz* — «француз» [10. III. С. 353]. Согласно В.И. Далю, *пранцы* — «золотушная сыпь» [4. III. С. 381]. Обратимся к олонечким говорам, где отмечено *фрjанка* — «чирей, нарыв» [10. III. С. 208]. Проявления сифилитического поражения первоначально характеризуются присутствием «нарыва» — сифилитического шанкра на теле заразившегося, а в дальнейшем появлением сыпи на туловище человека [8. С. 166]. Сопоставляя медицинские и языковые данные, полагаем, что в случае *пранцы* — «золотушная сыпь» и *фрjанка* — «чирей, нарыв» в русских говорах также изначально идет речь о проявлениях сифилитического поражения. Не исключено, что слово *пранцы*, созвучное с общесл. **prati* — «жать, давить» и др-русс. *прати* — «топтать, угнетать» [5. С. 476], особо прижилось после событий Отечественной войны 1812 г. именно в значении «сифилис», возможно, являясь производным от исковерканного «француз», «Франция» (также, например, и олонечское *фрjанка* — «чирей, нарыв» перекликается с приводимой М. Фасмером в качестве исходной для *фрjанка* формой **франка* — собственно «француженка» [10. III. С. 208]). В данном значении слово *пранцы* отмечает Б.Д. Гринченко в украинском языке [3. III. С. 401], хотя в словаре современного украинского языка слово не приводится [9. С. 603]. Однако его конкретное значение в русском по каким-то причинам было постепенно утрачено. См. также курск. *хранѣц, хрjанцы* — «сифилис», которое В. Даль выводит из голл. *frans* — «французский», давая и форму *пранцы* в конце статьи [4. IV. С. 564]. Брянский областной словарь фиксирует слово *пранцы* как выражение отказа при какой-либо просьбе: *Пранцау табе / а ня мѣду* [2. С. 279].

У русского и украинского народов издревле бытует представление о болезни как божьей каре. Сведения об этом находим у А.Н. Афанасьева, по мнению которого подобные представления подтверждаются общеславянскими: *bogine* — оспа, *boza rana* — язва, чума. Ученый полагал, что болезни «...рассматривались нашими предками как спутницы и помощницы Смерти», а повальные и заразные прямо признавались за самую смерть, которая выступала в качестве древнейшей богини [1. С. 943]. Вследствие этого понятие болезни, восходящее

к глубокой древности, довольно часто табуировалось. Табуирование названия болезни было вызвано стремлением избежать прямого наименования недуга, из-за боязни «накликать» беду, позвать ее к себе [6. С. 66]. В пользу древности данного процесса говорит наличие в обоих языках одинаковых словесных форм, сходных в своих значениях. В частности, для обозначения повышения температуры тела (лихорадки) в украинском языке употребляется слово *лихоманка* — «лихорадка» [3. II. С. 364], имеющее сходное звучание и значение в брянских говорах [2. С. 192]. Мы не исключаем, однако, и наличие элемента заимствования из одного языка в другой. Любая болезнь, как правило, протекает с повышением температуры тела. Наши общие предки, вероятно, считая данное состояние воздействием злого духа, богини смерти в силу суеверия подвергали его эвфемизации. Согласно М. Фасмеру, слово *лихомáнка* происходит от «обманщица», «манить», «выманивать» [10. II. С. 505]. *Лихора́дка* же дословно: «рада лиху» (от *лихо* — «худо, вред») или «делающая зло» от *раде́ть* — «действовать» (по мнению А.А. Потебни) [10. II. С. 505].

Об общности наших языковых корней и культуры говорят, возможно наиболее древние факты из лексики народной медицины, отмечаемые как в брянских говорах, так и в украинском языке. Например: *ки́ла* — «грыжа» (в обоих языках); укр. литер. *огник* / русс. диал. *вогник*; русск. диал. *волосень* и укр. литер. *волос*, имеющие одинаковое значение в двух языках. *Ки́ла* — «грыжа», отмечалась и в украинском языке еще Б.Д. Гринченко [3. II. С. 238], и в русском литературном языке С.И. Ожеговым с пометой «прост.» [7. С. 273]. Вероятно, слово восходит к церк.-слав. *кыла* в том же значении [10. II. С. 232]. На праславянское происхождение слова указывает наличие его во многих славянских языках: болг. *кѝла*, сербохорв. *кѝла*, словен. *kila*, польск. *kila*, чеш. *kýla*, словц. *kyla* — «грыжа». М. Фасмер считает данное слово родственным лит. *kũla* — «нарост, шишка» и д.-в.-н. *hola* — «перелом, грыжа» [10. II. С. 232]. Ср. также др.-исл. *kúla* — «шар, мяч, шишка» [10. I. С. 473]. Согласно В.И. Далю, *килу* («грыжу»), по народному поверью, привешивают знахари [4. II. С. 108]. В связи с этим интересно отмеченное в Брянском областном словаре словосочетание *ки́ла наговóрная* — «о болтливом человеке» [2. С. 149].

Украинское, видимо, устаревшее *о́гник* — «пузырчатая сыпь на лице» [3. I. С. 36] сходно с отмеченным нами в брянских говорах *во́гник* — «нарыв, болячка с изъязвлением на лице, шее». Отмечая протетическое *в-*, мы вслед за В.И. Далем считаем слово *во́гник* производным от *огонь*, *огненный* (как отражение субъективных ощущений больного при этом заболевании, вызванных повышением температуры, местным жжением, покраснением кожи). Это же подтверждают и данные украинского языка, где *о́гник*, второе значение которого — «ум. от огонь; огонек» [3. III. С. 36]. В.И. Даль также связывает *огник* со словом *огонь*, но приводит его с иным ударением: *огни́к* — «огнёвик, болячка, чирей, веред» [4. II. С. 645]. Для сравнения: в с. Новое Место Новозыбкого района Брянской обл. до сих пор бытует записанный нами заговор от данной болезни, произносящийся перед открытым огнем: «*О́гник, о́гник, забяри́ (чей-то: называется имя человека) во́гник*».

Согласно представлениям носителей диалекта западной Брянщины, *волоcéнь* — гнойное воспаление ногтевой фаланги пальца, гнойный нарыв [2. С. 54]. При развитии болезни из вскрывшейся гнойной полости, по их словам, отходят волосоподобные «нити». Кроме того, как способ излечения от этого заболевания, народная медицина рекомендует прикладывать к больному пальцу колоски злаковых, имеющие «волоски» (древнейший способ «лечения подобного подобным», часто основанный на суеверии). Возможно, косвенно эту этимологию подтверждает и брянское диал. *волоце́нька* — «небольшой стожок» [2. С. 54], а также присутствующее в украинском языке слово *во́лос* в одном из своих значений — «опухоль с нарывом на пальце» [3. I. С. 251]. На наш взгляд, в обоих языках мы наблюдаем пример метонимичности, так как слово *во́лос* и в украинском, и в русском языке обозначает «тонкое роговое нитевидное образование на голове, теле» [7. С. 94; 3. I. С. 251].

Примером заимствования из украинского языка в русский язык нам представляется диал. *глузд*, отмечаемое лишь в южных русских говорах [10. I. С. 416]. В говорах Брянщины слово *глузд* — «ум, разум, мозг» [2. С. 70]. Происхождение данного слова, возможно, связано с *глу́дкий* — «гладкий, скользкий». См. там же приводимое В.И. Далем: *глузди́ть* — «скользить» [4. I. С. 357]. Возможно, представляют этимологический интерес лит. *glaudzeu* — «прильнуть, плотно прикладывать» и лтш. *glyds* — «гладкий, скользкий» [10. I. С. 416].

В среде носителей диалекта возникновение болезнь нередко считается следствием злого вредительства, исходящего от недоброго человека, колдуна (см. например, вышеприведенное *кила* — «грыжа»). В этой связи интересно русское *простре́л* — «острая боль, ломота и колотье в пояснице» [7. С. 622] и украинское *пристрі́т* — «болезнь, происходящая, по понятиям народа, от дурной встречи, сглаз» [3. III. С. 442]. В связи с тем, что болезнь, вероятно, изначально ассоциировалась с ударом, получением раны в бою (ср. русск. *стреля́ть*, укр. *пристрі́й* — «снаряд, прибор» [3. III. С. 442]), вероятно, в данном случае мы наблюдаем остатки верований в то, что этот «удар» — воздействие злых сил, наказание за грехи. Так, в Новозыбковском районе Брянской области нами было записано: // *Усе́ в деревне ругаються/ шоб тябя удар вдарив. Это значит паралич, парализаця. В-аснавном это ат-злости* // Отголоски мотивации возникновения, возможно, лежат в области остатков языческих верований, восходящих, по нашему мнению, к значению «разряд молнии — гнев божества Перуна». Считается, в частности, что колдовство может заключаться в оставленных на дороге вещах, которые нельзя поднимать, наступать на них: в противном случае человек, тем или иным образом первым к ним прикоснувшийся, обязательно заболит: // *Паднимать ничё́ го няльзя́, асобённо була́уки, никакие́ ни-игёлки, ко́лющее асобенн/, ни-но́жницы/ ни-нажй́. // Это как молния колет, так и это плохо?// Да, да! //*

Материал данной статьи позволяет говорить о постоянных и длительных контактах между славянскими языками, их диалектной и литературной лексикой (см. русс. диал. *вогник* — укр. *огник*; русс. диал. *волосень* — укр. *волос*; русс. устар. *проруха* — укр. *пору́ха* и т.п.) Как в украинском, так и в русском языке наблю-

дались сходные процессы языкового развития: уход из местной лексической системы одних и приход других членов, изменение их семантической структуры, базирующейся на полисемии слова, изменение сфер употребления слов (см. выше: *рожжа, грыжа, кила, говоруха* и др.). Нами отмечено проявление омонимии (см.: укр. *гуля* и *гуля* русс. диал.). Многие из названий заболеваний, по происхождению относящиеся к народным, возникнув на ранних этапах развития славянства и его культуры, активно употребляются вплоть до настоящего времени, в том числе и в научно-медицинской литературе (*лихорадка, грыжа* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев А.Н.* Славянская мифология. Поэтические воззрения славян на природу. — М.: СПб.; Эксмо: Митгард, 2008.
- [2] *Брянский областной словарь / Под ред. Н.И. Курганской, А.Л. Голованевского.* — Брянск: БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2007.
- [3] *Гринченко Б.Д.* Словарь української мови. — Київ, 1958.
- [4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык Медиа, 2003
- [5] *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. — М.: Отчий дом, 2006.
- [6] *Маковский М.М.* Болезнь. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. — М.: URSS, 2005.
- [7] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1999.
- [8] *Справочник практического врача Т. 1, 2 / Под ред. А.И. Воробьева.* — М.: Медицина, 1990.
- [9] *Українсько-російський словник / Отв. ред. Л.С. Паломарчук, Л.Г. Скрипник.* — Київ, 1985.
- [10] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.: В 4 т. — М.: Астрель, 2003.

INTERRELATION OF RUSSIAN AND UKRAINIAN PEOPLES' LANGUAGES AND CULTURES (on the Material of Medical Lexis in Dialects of South-Western Bryansk Region

I.V. Penyukova

The chair of Russian language history and theory
Bryansk State University named after I.G. Petrovski
Bezchickaya str., 14, Bryansk, Russia, 241037

The author studies the topical group of medical lexis in south-western dialects of Bryansk region, highlights the semantic processes such as synonymic and other words relations in the system of local dialects and traces the origin of certain words.

The article reveals some interesting phenomena in interaction of local dialects with the Ukrainian language and its dialects.

Key words: medical lexis, topical group, Russian dialects, evolution of a dialect, the Ukrainian language.